

Агансон О.И.¹

От Бухареста до Сараево: политика Великобритании на Балканах и начало Первой мировой войны

Аннотация. В статье исследуется политика Великобритании на Балканах в условиях формирования там нового регионального порядка на базе постановлений Лондонского и Бухарестского мирных договоров. Выявляются факторы, которые обусловили падение интереса Англии к ситуации в Юго-Восточной Европе накануне Первой мировой войны. На примере Балкан автор прослеживает корреляцию глобального и регионального уровней в политике Великобритании. Анализируется логика поведения Лондона в период Июльского кризиса 1914 г. с учетом новой расстановки сил в Юго-Восточной Европе.

Ключевые слова: Балканы, Балканские войны 1912-1913 гг., Бухарестский мирный договор, Великобритания, Июльский кризис 1914 г.

УДК 94(100)+327+94(415)"1901/1920"

Abstract. The article deals with Britain's policy in the Balkans on the eve of the First World War. The special emphasis is put on the formation of a new regional order in Southeastern Europe in the wake of the Balkan wars 1912-1913 and British approaches to it. The author defines factors, which caused England's unwillingness to be involved in the Balkan affairs after the signing of the Treaty of Bucharest. Special attention is drawn on the correlation of regional and global levels in Balkan policy of Britain.

Key words: The Balkans, The Balkan War 1912-1913, The Treaty of Bucharest, Great Britain, July Crisis 1914.

Первая мировая война является одним из наиболее растиражированных и популярных сюжетов в мировой историографии². По подсчетам, произведенным 20 лет назад, список литературы по происхождению Первой мировой войны насчитывал 25 тыс. наименований³. В преддверии столетней

¹ Агансон Ольга Игоревна — кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: olaganson@yahoo.com)

² См. подробнее: *Виноградов К.Б.* Буржуазная историография первой мировой войны (происхождение войны и международные отношения. 1914–1917 гг.). М., 1962; *Емец В.А.* Советская историография происхождения первой мировой войны // Первая мировая война. М., 1968; *Бовыкин В.И., Емец В.А., Тютюкин С.В.* Советская историография первой мировой войны / V Конференция советских и итальянских историков. М., 1972; *Виноградов В.Н.* Еще раз о новых подходах к истории первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1995. № 5; *Козенко Б.Д.* Отечественная историография первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3; *Researching World War I: A Handbook.* Westport, CT. Publication year, 2003.

³ *Clark C.* The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. London, 2013. P. xxiv.

годовщины этого глобального конфликта наблюдается новый виток исследовательского интереса к вопросам, связанным с его истоками⁴. Такое повышенное внимание к истории Первой мировой войны обуславливается не только конъюнктурностью момента, но и проблемами более долгосрочного, структурного характера.

На рубеже XX - XXI вв. европейская цивилизация оказалась на перепутье: распад биполярной системы и сложности, сопряженные со становлением нового мирового порядка, проблема глобального лидерства и границы ответственности великих держав, «ренессанс» национализма и крах многонациональных государств. С подобными вызовами, хотя и несколько в иной форме, Европа уже сталкивалась столетие назад. С одной стороны, приближавшийся закат «*Rex Britannica*» ставил вопрос о роли и месте Великобритании, глобальной державы того времени, в системе международных отношений. В свою очередь, претензии Германии на статус мировой державы запустили механизм формирования военно-политических группировок (Тройственного союза и Антанты), что привело к деформации международной системы. С другой стороны, на региональном уровне стремление малых стран претворить в жизнь свои национальные программы породили череду серьезных международных кризисов. В свете этого особый интерес, на наш взгляд, представляет изучение политики, которую проводила Великобритания, позиционировавшая себя в качестве «балансира» системы международных отношений⁵, во взрывоопасном Балканском регионе в преддверии Первой мировой войны и во время Июльского кризиса, послужившего отправной точкой ее начала.

Разумеется, ученые-историки, исследовавшие проблему происхождения Первой мировой войны, затрагивали и некоторые аспекты политики Англии на Балканах, причем делали это преимущественно в более широком контексте изучения ее внешнеполитической стратегии. Учитывая обилие и разнообразие работ по этой тематике, выделим лишь некоторые ключевые направления.

В британской историографии традиционно делался акцент на непричастности Англии к развязыванию мировой войны. Наиболее последовательным сторонником этого подхода выступал известный английский историк, официальный биограф британского статс-секретаря по иностранным делам Э. Грея Дж.М. Тревелиян, утверждавший, что глава Форин оффис самозабвенно «боролся за мир в Европе», но потерпел поражение в августе 1914 г.⁶

Другая группа авторов (А.Дж.П. Тэйлор, З. Штайнер, П. Кеннеди, Дж. Хэррис и У. Маллиган) называла определяющим фактором развития британской политики стремление помешать установлению германской гегемонии на европейском континенте, что в восприятии британских правящих кругов

⁴ См., например: *McMeekin S.* July 1914: Countdown to War. New York, 2013; *MacMillan M.* The War that Ended Peace: The Road to 1914. New York, 2013.

⁵ О Великобритании как «балансира» системы международных отношений см. подробнее: Романова Е.В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898-1914. М., 2008. С. 9.

⁶ *Trevelyan G.M.* Grey of Fallodon. Boston, 1937.

таило в себе угрозу национальной безопасности Соединенного Королевства. Именно этими соображениями, как указывалось, руководствовался Лондон, проводя курс на сближение с Парижем и Петербургом и, соответственно, вырабатывая свою позицию по балканскому вопросу⁷.

Ряд исследователей, а среди них известный английский историк К. Уилсон, полагали, что политика Великобритании в предвоенный период детерминировалась не абстрактными категориями поддержания баланса сил в Европе, а имперскими интересами⁸. По мнению К. Уилсона, ключевой проблемой для Лондона являлось сохранение Британской колониальной империи в Азии. В свете этого главную опасность для английских позиций представляла не Германия, а Россия с ее активными действиями в Персии и Центральной Азии. Достижение соглашения с Петербургом и сохранение с ним партнерских отношений, на взгляд К. Уилсона, являлось главной внешнеполитической целью Англии, что и заставило ее солидаризироваться с партнерами по Антанте во время Июльского кризиса 1914 г.

В недавно увидевших свет работах британских авторов прослеживается стремление синтезировать два упомянутых выше подхода: европоцентричный и проимперский. Так, кембриджский профессор К. Кларк в своей книге «Лунатики: как Европа скатилась к войне в 1914 г.» пишет о том, что Великобритании были выгодны австро-русские противоречия, препятствовавшие сотрудничеству Вены и Петербурга на Балканах. В 1912-1914 г. Лондон пугала перспектива возрождения австро-русской Антанты начала 1900-х гг., поскольку она, по мнению К. Кларка, способствовала бы откату англо-русских отношений к состоянию враждебности, в котором они пребывали до 1907 г.⁹

К несколько иным выводам приходят исследователи, анализирующие внешнюю политику Великобритании с точки зрения эволюции предвоенной системы международных отношений. Так, по мнению Е.В. Романовой, в условиях поляризации международной системы противостояние Австро-Венгрии и России на Балканах воспринималось их союзниками по блокам – Великобританией и Германией – как «игра с нулевой суммой», т.е. они увязывали разрешение конфликта на Балканах с «борьбой за достижение европейской гегемонии»¹⁰.

В данной же статье будет рассмотрен внешнеполитический курс Великобритании на Балканах в период от заключения Бухарестского мирного договора, подведшего черту под Второй балканской войной, до начала Первой мировой войны. Этот сюжет интересен тем, что позволяет проследить особенности региональной политики мировой державы в условиях, с одной стороны,

⁷ *Taylor A. Дж. П.* Борьба за господство в Европе. М., 1958; *Steiner Z.S.* Britain and the Origins of the First World War. London, 1977; *Kennedy P.* The Rise of the Anglo-German Antagonism. 1860–1914. London, 1980; *Harris J.P.* Great Britain // Origins of World War One / Ed. by R.F. Hamilton, H.H. Herwig. Cambridge, 2003; *Mulligan W.* The Origins of the First World War. Cambridge, 2010.

⁸ *Wilson K.* The Policy of the Entente: Essays on the Determinants of British Foreign Policy 1904–1914. Cambridge, 1985; *Idem.* Empire and the Continent: Studies in British Foreign Policy from the 1880s to the First World War. London, New York, 1987; *Mahajan S.* British Foreign Policy, 1874–1914: The Role of India. London, 2002.

⁹ Clark C. Op. cit. P. 324.

¹⁰ Романова Е.В. Указ. соч. С. 295.

перформативного политического пространства региона, с другой – продолжавшегося накопления конфликтного потенциала в системе международных отношений.

В период Балканских войн судьбы Юго-Восточной Европы решались в Лондоне, который с декабря 1912 г. по лето 1913 г. принимал конференцию послов великих держав. Несмотря на возникавшие тогда острые международные кризисы¹¹, вызванные неурегулированностью вопроса о границах недавно созданного Албанского княжества, великие державы склонились к локализации конфликта на Балканах. Великобритания и Германия рассматривали Лондонскую конференцию послов как подходящую площадку для реализации политики англо-германской «разрядки»¹². Обе страны стремились к достижению соглашения по Багдадской железной дороге и по вопросу о морских вооружениях, однако, понимая сложности, сопряженные с поиском компромисса, предпочитали сотрудничать по проблемам, которые не представляли для них первостепенной важности, как, например, Балканы. В связи с этим Англия и Германия охотно оказывали сдерживающее влияние на своих партнеров по блокам – Россию и Австро-Венгрию.

Фактически великие державы санкционировали произошедшее в результате Балканских войн реструктурирование политического пространства региона. Так, в ходе Первой балканской войны Турция была вытеснена из Юго-Восточной Европы (за ней остался лишь небольшой кусок территории в Восточной Фракии). Иными словами, Османская империя, которая на протяжении столетий доминировала над политическим ландшафтом региона, перестала играть системообразующую роль в его развитии. В результате же Второй Балканской войны был закреплен полицентричный характер нового регионального порядка: сербо-греческая коалиция и примкнувшие к ней Румыния и Турция одержали внушительную победу над Болгарией, претендовавшей на региональное лидерство. В итоге, Болгарское царство было вынуждено отказаться от всех своих завоеваний в Македонии в пользу Греции и Сербии, а также уступить Южную Добруджу Румынии, а Адрианополь – Турции.

В соответствии с новой политической конфигурацией Балканского полуострова Сербия, Греция, Румыния и Черногория являлись державами, отстаивавшими региональный статус-кво, тогда как Болгария и Османская империя стремились к его ревизии. Вслед за подписанием Константинопольского мирного договора между Болгарским царством и Турцией начались переговоры о заключении оборонительного и наступательного союза, однако они так и не материализовались в виде конкретного соглашения¹³. Это объяснялось неспособностью Софии и Константинополя достичь компромисса по территориальному вопросу.

¹¹ Адриатический кризис (конец ноября – начало декабря 1912 г.) и Скутарийский кризис (март – май 1913 г.).

¹² См. *Crampton R.Y. The Hollow Détente: Anglo-German Relations in the Balkans 1911–1914. London, 1980.*

¹³ *Djemat A. Memories of a Turkish Statesman, 1913–1919. London, 1922. P. 52–56.*

Бухарестский мир вызвал различную реакцию со стороны великих держав. В Вене он был встречен с тревогой: как показали недавние события, ситуация в регионе все в большей степени выходила из-под ее контроля. Так, Сербия не только добилась новых территориальных приращений, но обеспечила себе благоприятный политический климат в регионе: сербо-греческие и сербо-румынские отношения характеризовались высокой степенью сотрудничества, а Болгария после поражения была нейтрализована. Таким образом, позиции Сербии значительно укрепились перед лицом Австро-Венгрии.

Лондон и Париж, напротив, подчеркивали легитимность Бухарестского договора и отвергали возможность его ревизии¹⁴. Франция и Англия считали оптимальным установившийся на Балканах баланс сил. Именно по этой причине ими не было поддержано предложение России передать Болгарии Кавалу, которую присоединила к себе Греция.

На момент осени 1913 – весны 1914 г. главными дестабилизирующими факторами относительно нового регионального порядка на Балканах, были вопросы, касавшиеся дальнейшей судьбы Албании и Эгейских островов. В соответствии с постановлениями Лондонской конференции послов, Албания создавалась как независимое княжество под контролем великих держав, которые обязывались участвовать в формировании его административных и финансовых структур¹⁵. Кроме того, по решению великих держав были созданы две разграничительные комиссии: первая – по проведению северной и северо-восточной границы Албании, вторая – по определению ее южных рубежей. Однако, весь драматизм ситуации заключался в том, что, с одной стороны, Албанское княжество воспринималось соседними государствами как инородный элемент в регионе, с другой – у него самого имелись к ним серьезные территориальные претензии. В частности, албанцы считали косовские земли исконно албанскими.

Англия, если судить по речи, произнесенной Греем перед палатой общин в августе 1912 г., рассматривала создание Албанского государства, прежде всего, с точки зрения возможности достижения компромисса между державами и сохранения мира в Европе. По словам британского статс-секретаря по иностранным делам, локальный аспект вопроса его волновал в гораздо меньшей степени¹⁶. Такая позиция Лондона обуславливалась несколькими причинами. Во-первых, появление на карте Балканского полуострова независимого Албанского княжества объективно не создавало угроз для британских интересов в регионе. Во-вторых, между Австро-Венгрией и Италией, претендовавшими на то, чтобы «играть первую скрипку» в албанском вопросе, и на первых порах сотрудничавшими в этом

¹⁴ Hansard's Parliamentary Debates. House of Commons. Ser 5th. Vol. 56. 1912. Col. 2292; Documents diplomatiques. Affaires balkaniques. T. II. Paris, 1922. № 468.

¹⁵ См. подробнее: *Obradivić I.* Britanska politika i stvaranje Albanije 1912–1914 // *Tokovi istorije.* 2006. № 4; Искендеров П.А. Сербия, Черногория и Албанский вопрос в начале XX века. Спб., 2013.

¹⁶ Hansard's Parliamentary Debates. 5th Ser. Vol. 56 Col. 2285.

направлении, неизбежно должны были проявиться глубокие разногласия, поскольку речь шла о доминировании на Адриатике¹⁷. Разумеется, австро-итальянские трения только бы углубили трещины в Тройственном союзе. В-третьих, Форин оффис, памятуя о тех острых кризисах, которые возникали во время Лондонской конференции из-за северных и северо-восточных границ Албании, полагал, что работа представителей великих держав в рамках международной комиссии, если даже не приведет к практическим результатам, то, по крайней мере, разрядит обстановку в регионе.

Однако далеко не все расчеты британского министра иностранных дел оправдались. Австро-Венгрия, в ходе Балканских войн оттесненная от процесса трансформации регионального порядка, считала Албанское княжество рычагом давления на Сербию – «югославянский Пьемонт», представлявший угрозу устойчивости политической конструкции мультиэтничной Дунайской монархии. Отчасти австро-венгерское правительство рассчитывало использовать неурегулированность вопроса о сербо-албанской границе как один из способов решения югославянского вопроса, в том числе посредством военного вмешательства. Постоянные столкновения между албанскими отрядами, пересекавшими сербскую границу, и сербскими войсками, вторгавшимися на албанскую территорию с целью занять стратегические высоты¹⁸, позволили австро-венгерскому руководству в качестве гаранта независимости Албании жестко прессинговать Сербию, что и продемонстрировали события октября 1913 г. Тогда Вена в ультимативной форме потребовала от Белграда вывести войска с албанской территории¹⁹. Предъявление австро-венгерского ультиматума 18 октября историки нередко называют репетицией июльского ультиматума 1914 г.²⁰

«Игра мускулами» Дунайской монархией произвела в Лондоне крайне негативное впечатление. Грей полагал, что Австро-Венгрия, действовавшая в одностороннем порядке, без предварительной консультации с другими великими державами и требовавшая от них одобрения ее политики, предъявляла ультиматум не только Сербии, но и самим державам²¹. Однако кризис из-за сербо-албанских столкновений не получил дальнейшего развития, даже несмотря на вмешательство Австро-Венгрии, во многом потому, что другие великие державы, представлявшие как Антанту, так и Тройственный союз, склонялись к локализации данного инцидента. В Лондоне понимали, что в тех условиях Сербия не отважилась бы выступить против Дунайской монархии, не ощущая за собой поддержки России и Антанты. Причем отступление Сербского королевства перед напором Австро-

¹⁷ Так, англичане полагали, что Австро-Венгрия не позволит Италии создать военно-морскую базу в Валоне. В противном случае австро-венгерский флот оказался бы блокированным итальянцами в Адриатике. The National Archives, UK (далее – NA). FO 421/287. №311. O'Beirne to Grey. 2.11.1913.

¹⁸ NA. FO 881/10435/12. Servia. Annual Report, 1913.

¹⁹ British Documents on the Origins of the War (далее – BD) / Ed. by G.P. Gooch and H. Temperley. London, 1936. Vol. X (1). № 45. Crackanorpe to Grey. 19.10.1913.

²⁰ *Helmreich E.C.* The Diplomacy of the Balkan Wars 1912–1913. Cambridge, 1938. P. 426.

²¹ BD. Vol. X (1). № 43. Grey to Goschen. 18.10.1913.

Венгрии не вело к его отрыву от Тройственного согласия, которое, по существу, гарантировало безопасность этого балканского государства. По-иному обстояли дела с другим членом победившей балканской коалиции – Грецией. У нее также оставался неурегулированным вопрос о границах: проблема статуса Южной Албании (Северного Эпира) и Эгейских островов.

В отличие от Сербии, Греция в силу своего географического положения, особенно после оккупации островов в Эгейском море в ходе Балканских войн, была значимым элементом для расстановки сил в Восточном Средиземноморье. Греческие правящие круги, в которых разворачивалась борьба между антантофилами (Э. Венизелос) и германофилами (король Константин), осознавали этот факт, а потому могли рассчитывать хотя бы на частичное удовлетворение их требований великими державами.

Форин оффис рассматривал вопрос о Северном Эпире и проблеме Эгейских островов в одной «связке». На взгляд Уайтхолла, приграничные албанские территории имели второстепенное значение по сравнению со статусом островов. Лондон побуждал Афины признать албано-греческую границу, установленную великими державами. Однако в вопросе об Эгейских островах Англия поддерживала греческие притязания. В британском Адмиралтействе бытовало убеждение в том, что острова в Эгейском море могли принадлежать либо грекам, либо туркам, но ни при каких обстоятельствах не должны были попасть под итальянскую или австро-венгерскую оккупацию, даже временную. При этом У. Черчилль, первый лорд Адмиралтейства, полагал, что с точки зрения британских интересов было бы предпочтительнее, если бы эгейские острова все-таки оказались под властью Греции, которая была способна их защитить²².

Нерешенность эгейского вопроса до предела накалила взаимоотношения между Афинами и Константинополем в конце 1913 – начале 1914 г. Турция ни при каких условиях не соглашалась на то, чтобы острова Имброс, Самофракия, располагающиеся у входа в Дарданеллы, и Лесбос, Хиос и Самос, прикрывающие подступы к Смирне, перешли к Греции. В итоге, после длительных консультаций великими державами был найден компромисс: в составе Греческого королевства оставались все ранее оккупированные острова за исключением Имброса, Самофракии и Тасоса, которые возвращались Турции. Однако, как справедливо замечает О.В. Соколовская, такое половинчатое решение лишь способствовало дальнейшему нарастанию напряженности в греко-турецких отношениях²³.

Сложившаяся ситуация вылилась в гонку морских вооружений в Восточном Средиземноморье, развязанную Афинами и Стамбулом. Эта гонка, по замечанию американского исследователя

²² Halpern P. The Mediterranean Naval Situation 1908–1914. Cambridge, 1971. P. 334.

²³ Соколовская О.В. Греция в годы первой мировой войны, 1914–1918 гг. М., 1990. С. 14–15.

П. Хальперна, напоминала пародию на морское соперничество великих держав²⁴. Обозреватели прогнозировали эскалацию греко-турецкого вооруженного конфликта летом 1914 г.²⁵

Показательно, что и Британия, и Германия стремились предотвратить военные действия между Турцией и Грецией, а потому каждая со своей стороны пыталась наладить между ними диалог²⁶. Взаимное нежелание Англии и Германии осложнять обстановку в стратегически важном для них Восточном Средиземноморье позволяло надеяться на локализацию возможного греко-турецкого столкновения и недопущение вмешательства туда третьих стран.

На взгляд Лондона, отсутствие проблем, способных обрушить изнутри новый региональный порядок²⁷, а также окончательное размежевание балканского и ближневосточного вопросов, привели к тому, что Форин оффис перестал рассматривать полуостров как очаг нестабильности на политической карте мира. Успешная локализация великими державами Балканских войн, а также продемонстрированное ими стремление не выносить на повестку дня вопрос о судьбе азиатской Турции позволяли Уайтхоллу рассчитывать на то, что гипотетическая эскалация конфликта на Балканах не затронет Ближневосточный регион. Это способствовало тому, что в британской внешнеполитической стратегии кануна Первой мировой войны вопросы, связанные с международной обстановкой на Балканах, постепенно утрачивали остроту и актуальность.

Кроме того, падение интереса Лондона к ситуации в Юго-Восточной Европе было вызвано попытками британцев, если не радикально пересмотреть, то по-новому расставить акценты в своем взаимодействии с Германией и Россией. Достижение с Берлином соглашения по Багдадской железной дороге мыслилось английской дипломатией как реализуемая на практике возможность урегулирования (пусть и в краткосрочной перспективе) вопроса, критического с точки зрения безопасности Британской империи в Азии, со своим принципиальным соперником на международной арене. Соответственно, временное сглаживание наиболее острых углов во взаимоотношениях с Германией привело к тому, что, во-первых, значение Балкан как комплекса региональной безопасности, нацеленного против австро-германского блока, снижалось. Во-вторых, в условиях англо-германской «разрядки» чиновники Форин оффис, в отличие от более раннего периода, постепенно отходили от восприятия региона как инструмента укрепления британско-русской Антанты.

Проявлением новой тенденции в балканской политике Англии можно считать реакцию официального Лондона на военную миссию в Константинополе германского генерала О. Лимана фон Сандерса. В соответствии с соглашением, заключенным между Берлином и Портой в ноябре 1913 г., группе германских военных в составе 42 человек поручалось провести реорганизацию османских

²⁴ Halpern P. Op. cit. P. 314.

²⁵ The Times, 11.06.1914.

²⁶ Fotakis Z. Greek Naval Strategy and Policy, 1910–1919. London, New York, 2005. P. 99; Соколовская О.В. Указ. соч. С. 18–20.

²⁷ Речь идет, прежде всего, о характере взаимоотношений между малыми балканскими государствами.

вооруженных сил; ген. Лиман фон Сандерс был назначен командующим первым армейским корпусом в Константинополе. В Петербурге новость об отправке немецкой миссии в Константинополь вызвала шквал негодования: военное присутствие Германии на Босфоре могло обернуться для России стратегической ловушкой в случае войны с Центральными державами²⁸. В Лондоне в свою очередь не рассматривали германскую акцию как повод для серьезного беспокойства. Британские дипломаты характеризовали страхи русского правительства как неоправданные и преувеличенные²⁹.

Несмотря на высокие ставки (фактически на кон был поставлен контроль над Проливами), инцидент с германской военной миссией все-таки был урегулирован дипломатическими средствами. Ген. Лиман фон Сандерс был произведен в ранг генерального инспектора турецкой армии и, следовательно, освобожден от должности командующего столичным армейским корпусом. Урегулированию кризиса, как нам представляется, во многом способствовала уклончивая позиция, занятая Великобританией: ни Петербург, ни Берлин не решались предпринимать радикальные шаги, не зная какова, будет реакция Лондона.

Казалось бы, сочетание политики «Антанты» и «детанта» приносило свои плоды. Временное взаимопонимание с Германией по балканскому и ближневосточному вопросу позволяло британскому правительству переключить внимание на упорядочение отношений с Россией в Персии и Центральной Азии. Как убедительно показала в своей монографии американская исследовательница Дж. Сигел, накануне Первой мировой войны британское и российское руководство пришло к осознанию того, что конвенция 1907 г. исчерпала себя. В Лондоне и Петербурге, а также среди британских и российских дипломатов на местах все настойчивее раздавались призывы пересмотреть некоторые положения соглашения 1907 г.³⁰. И все же надо констатировать, что наблюдавшееся в 1914 г. ухудшение англо-русских отношений из-за разногласий на Среднем Востоке не вело к разрыву Антанты. Подтверждением приверженности Лондона политике англо-русского сотрудничества в Европе могут служить проходившие весной-летом 1914 г. в обстановке строгой секретности переговоры о заключении военно-морской конвенции между Россией и Великобританией³¹.

В итоге, сложившаяся на международной арене расстановка сил перед Первой мировой войной соответствовала интересам Лондона. В новых условиях военный конфликт между великими державами

²⁸ Хвостов В.М. История дипломатии. Т. II. М., 1963. С. 761.

²⁹ British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. University Publications of America, 1984. Pt.1. Vol. 20. Doc. 61. P. 426. Annual Report on Turkey, 1913.

³⁰ Siegel J. Endgame. Britain, Russia and the Final Struggle for Central Asia. London, New York, 2002. P. 173–196.

³¹ Правда, из-за утечки информации Грей был вынужден откеститься от этого факта, дабы избежать оппозиции со стороны радикальной части кабинета, резко критиковавшей британское сближение с Россией. Вопрос о том, насколько серьезное значение придавал Лондон данным переговорам, остается дискуссионным. По мнению А.Дж.П. Тэйлора, Грей согласился пойти на некоторые уступки России только под влиянием настойчивых просьб французов. Тэйлор А.Дж.П. Борьба за господство в Европе. М., 1958. С. 514.

хотя и не исключался Уайтхоллом, но рассматривался им как крайне нежелательный³². Подобный подход и определил логику поведения Великобритании в период Июльского кризиса 1914 г.

Список работ, посвященных сараевскому убийству и ходу Июльского кризиса, поистине огромен³³. События этого короткого, но чрезвычайно насыщенного и драматичного периода, были буквально по дням рассмотрены исследователями, а потому мы позволим себе сконцентрировать внимание лишь на тех аспектах Июльского кризиса, которые являются принципиальными для раскрытия заявленной темы.

Убийство Франца Фердинанда и его супруги герцогини Софии Гогенберг подверглось единогласному осуждению европейской общественности³⁴. На страницах ведущих изданий выражались соболезнования австро-венгерскому правящему дому и его главе Францу Иосифу³⁵. Несомненно, это событие вызвало огромный резонанс. Но все же надо учитывать тот факт, что в ту пору покушения на венценосных особ не являлись чем-то исключительным, а стали, хотя и печальным, но относительно привычным явлением европейской политической жизни (достаточно вспомнить судьбу Александра II и других членов дома Романовых). От рук итальянского анархиста погибла супруга самого Франца Иосифа, императрица Елизавета.

Как позже вспоминал министр иностранных дел России С.Д. Сазонов, истинное значение убийства наследника австро-венгерского престола для международной обстановки обнаружилось не сразу³⁶. Так, в июле 1914 г., по крайней мере в его первой половине, на страницах британских и французских газет, как отмечает американский исследователь О. Хэйл, сараевской трагедии было уделено относительно мало внимания. Передовицы британских изданий были посвящены проблеме урегулирования ирландского кризиса, а французских – суду над Г. Кайо, женой экс-министра финансов Республики Ж. Кайо³⁷. Таким образом, на первых порах гибель Франца Фердинанда от рук боснийского серба, австро-венгерского подданного, не воспринималась современниками, при всей серьезности этого события, как предвестник очередного международного кризиса. Решение о том, превратить ли убийство эрцгерцога в повод для нового военного конфликта на Балканах или же просто перевернуть эту печальную страницу в истории Габсбургской династии, принималось в первую очередь в Вене.

³² *Asquith H.* The Genesis of the War. New York, 1923. P. 173–184.

³³ См. например: *Feil C.* Происхождение мировой войны. Т. II. М., 1934; *Seton-Watson R.W.* Sarajevo: A Study in the Origins of the Great War. London, 1926; *Dedijer V.* The Road to Sarajevo. London, 1960; *Watt D. C.* The British Reactions to the Assassination at Sarajevo // *European Studies Review.* 1971. Vol.1. № 3; *Maurer J.* The Outbreak of the First World War: Strategic Planning, Crisis Decision Making, and Deterrence Failure. Westport, CT, 1995; *Remak J.* Sarajevo. New York, 1959; *Taylor A.J.P.* War by Timetable: How the First World War Began. London, 1969.

³⁴ *Hale O.J.* Publicity and Diplomacy, with Special Reference to England and Germany. London, New York, 1940. P. 446.

³⁵ *The Times*, 29.06.1914; *Le Temps*, 30.06.1914.

³⁶ *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Мн., 2002. С. 164.

³⁷ *Hale O.J.* Op. cit. P. 446–447.

Дунайская монархия являлась не только полноправным участником «европейского концерта», но и важным элементом в существовавшей в Европе системе союзов. Потеря Австро-Венгрией статуса великой державы или ее возможный распад привели бы к образованию вакуума силы в Центральной Европе. Вероятность претворения подобного сценария в реальность возростала в двух случаях. Во-первых, исчезновение Австро-Венгрии, как отмечает английский историк Д. Ливен, неизбежно было сопряжено с общеевропейской войной, и победа в ней России или Германии поставила бы под прямой контроль одной из них территории и население бывшей Дунайской монархии, что создало бы условия для доминирования Берлина или Петербурга над всей континентальной Европой³⁸. Во-вторых, крушение Двуетной монархии могло явиться результатом неспособности австро-венгерских правящих кругов перестроить государственный организм империи на более современных и рациональных началах, а, значит, были ожидаемы выход из ее состава провинций, населенных негерманскими и невенгерскими народами, и присоединение этих народов к своим соплеменникам, проживавшим в приграничных независимых государствах. Такое положение вещей осознавало как руководство других великих держав, так и самой Двуетной монархии.

Германия рассматривала ослабление Австро-Венгрии (прежде всего, на Балканах, где она была наиболее уязвима) как удар по Тройственному союзу, а, следовательно, как откат позиций «Драйбунда» на международной арене. Любая акция, направленная на усиление влияния Австро-Венгрии на Балканах, на взгляд Германии, могла быть записана в актив австро-германского альянса. В Вене вполне могли рассчитывать на поддержку Берлина в случае возникновения войны на Балканах.

В Британии воспринимали Двуетную монархию, в первую очередь, как ближайшую союзницу Германской империи, в том числе в военном отношении. Англичан не могла не тревожить появившаяся осенью 1913 г. в австрийской прессе информация об имперской программе строительства военно-морского флота. В австро-венгерском морском ведомстве, по сообщениям «Нейе Фрайе Прессе» планировали закладку 4 дредноутов и нескольких малых крейсеров³⁹. Успешная реализация этой программы грозила вылиться в смещение баланса сил в Средиземноморье в пользу Центральных держав. Тем не менее британский дипломатический истеблишмент, в отличие, скажем, от французского, по большей части скептически относился к перспективе распада Габсбургской монархии⁴⁰. Это событие, как предполагалось, повлекло бы за собой дальнейшее усиление Германии за счет поглощения ею немецких провинций Дунайской монархии и ее выхода к Средиземному морю, а также образование на

³⁸ *Lieven D. Dilemmas of Empire 1850-1918. Power, Territory, Identity // Journal of Contemporary History. 1999. Vol. 34, N 2. P. 191.*

³⁹ NA. FO 371/1576/269. Cartwright to Grey. 11.10.1913.

⁴⁰ По словам Дж.Д. Грегори, в политическом отношении «Австро-Венгрия, разрешившая все свои национальные противоречия и основательно реорганизованная, вероятно, на базе того, что называют триализмом, т.е. уравнение в правах немцев, венгров и славян, служила бы гарантией мирного развития Европы». *Gregory J.D. On the Edge of Diplomacy. Rambles and Reflections, 1902–1928. London, 1928. P.50.*

ее руинах ряда славянских государств, которые составили бы зону перманентной нестабильности в Европе. В свете этого существование Австро-Венгрии являлось важным фактором поддержания силового равновесия на европейском континенте⁴¹.

Кроме того, из Вены и Берлина довольно часто приходили сообщения о несовпадении взглядов Австро-Венгрии и Германии на принципы проведения балканской политики «Драйбунда». Так, Вильгельм II критиковал австро-венгерского министра иностранных дел Л. фон Берхтольда за его попытки привлечь Болгарию на сторону Тройственного союза и за дальнейшее отчуждение от него Румынии и Греции. Кайзер считал, что интересам австро-германского блока на Балканах в наибольшей степени соответствовало формирование коалиции в составе Румынии, Греции и Сербии. Вильгельм II даже направил румынскому королю Каролю I телеграмму с поздравлениями по поводу заключения Бухарестского мира, что в свою очередь вызвало раздражение Австро-Венгрии. По словам Берхтольда, формулирование балканской политики Тройственного союза являлось прерогативой Вены, а не Берлина⁴². Серьезные разногласия, царившие среди Центральных держав, позволили американскому историку О. Веделю сделать вывод о том, что к 1914 г. австро-германский альянс исчерпал себя, а потому, если бы не начавшаяся мировая война, то его пришлось бы в той или иной форме реорганизовать⁴³. Разумеется, отсутствие внутреннего единства в австро-германском союзе рассматривалось Лондоном как благоприятный фактор, поскольку консолидированная политика Берлина и Вены в регионе могла смениться «дисперсией» их влияния на Балканах. Однако эти расчеты, как выяснилось в период Июльского кризиса, оказались призрачными.

Между тем в Австро-Венгрии не осталось незамеченным смягчение позиции Лондона в отношении ее балканской политики. Так, Франц Иосиф в разговоре с британским послом Ф. Картрайтом отмечал сдержанный тон британской прессы во время балканского кризиса 1912–1913 гг.⁴⁴, а Берхтольд в своей речи перед венгерскими делегатами охарактеризовал положение Англии на международной арене как «связующее звено между двумя Союзами»⁴⁵. Продемонстрированное Лондоном после Балканских войн стремление дистанцироваться от проблем региона укрепляло в австро-венгерских правящих кругах надежду на британское невмешательство в случае возникновения войны на полуострове.

С точки зрения Дунайской монархии к июлю 1914 г. на европейском континенте сложилась выгодная для нее расстановка сил: прежде всего, это была англо-германская разрядка, факт существования которой мог удержать Петербург от принятия радикальных шагов. В таких условиях

⁴¹ NA. FO 800/366/42-43. Cartwright to Nicolson. 25.04.1913.

⁴² NA. FO 800/370/19-20. Goschen to Nicolson. 27.09.1913.

⁴³ *Wedel O.H.* Austro-German Diplomatic Relations, 1908–1914. Stanford, 1932. P. 200.

⁴⁴ NA. FO 371/1576/289. Cartwright to Grey. 28.10.1913.

⁴⁵ NA. FO 371/1576/430. De Bunsen to Grey. 8.12.1913.

трагическая гибель Франца Фердинанда послужила Вене сигналом к действию. Затягивать с выступлением против Сербии, на взгляд Вены, было опасно. От австро-венгерских дипломатов в балканских столицах стекалась информация о катастрофическом падении влияния Двуетной монархии в регионе. В Бухаресте, по сообщениям австро-венгерского посланника в Румынии О. фон Чернина, «все без исключения полагали, что монархия стоит на пороге заката и распада»; представители России и Франции убеждали румын «покинуть тонущий корабль, пока не поздно». Австро-венгерский дипломат не сомневался в том, что Париж и Петербург работали над созданием нового Балканского союза с целью завершить окружение Монархии и сокрушить ее⁴⁶.

В свете этого расправа над Сербией, которая являлась одним из ключевых элементов нового регионального порядка в Юго-Восточной Европе, позволила бы Австро-Венгрии не только урегулировать югославянский вопрос в рамках империи, но и утвердить свои лидирующие позиции на Балканах. Кроме того, разгром Австро-Венгрией Сербии мог вызвать так называемый «эффект победителя», т.е. переход остальных балканских государств на сторону Центральных держав⁴⁷.

В австро-венгерском генеральном штабе разрабатывались различные варианты кампании против Сербии. Предусматривалась как частичная мобилизация (в случае локализации военных действий на Балканах), так и всеобщая (в случае войны против одной из великих держав, России или Италии). В Вене делали ставку на превентивный удар по Сербии, ее молниеносный разгром до вступления в войну России или Италии⁴⁸. Важно отметить, что и начальник австро-венгерского генерального штаба Конрад фон Гетцендорф, и покойный Франц Фердинанд стремились избежать военного конфликта с Россией, которая по своим людским и материальным ресурсам значительно превосходила Дунайскую монархию. Фон Гетцендорф признавался: «Из всех возможных войн меня больше всего беспокоит перспектива войны с Россией, и я не хочу, чтобы она началась»⁴⁹. Наиболее предпочтительным выходом для правящих кругов Дунайской монархии явилась бы локализация австро-сербского конфликта на Балканах.

Германия безоговорочно солидаризировалась со своей союзницей. Встречаясь 5 июля в Потсдамском дворце с австро-венгерским послом графом Л. Сегени, Вильгельм II побуждал правительство Двуетной монархии к энергичным действиям⁵⁰. Но в Вене медлили с окончательным решением: в австро-венгерской правящей элите отсутствовало единодушие по этому вопросу. Против

⁴⁶Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Diplomatische Aktenstücke des Österreichisch-Ungarischen Ministeriums des Äussern (далее – ÖUA). / Hg. von L. Bittner, A.F. Pribram, H. Srbik and H. Übersberger. Vienna und Leipzig, 1930..Bd. VIII. № 9902.

⁴⁷ Maurer J. The Outbreak of the First World War: Strategic Planning, Crisis Decision Making, and Deterrence Failure. Westport, CT, 1995. P. XIV.

⁴⁸ Ibid. P. 20–23.

⁴⁹ Цит. по: Maurer J. *Op.cit.* P. 25.

⁵⁰ Geiss I. German Foreign Policy, 1871–1914. London, Boston, 1976. P. 165.

военной партии выступал венгерский министр-президент граф С. Тиса. В донесениях британских представителей в Австро-Венгрии и в английской прессе констатировались сдержанный тон публичных выступлений Тисы, осуждение им репрессий против сербских подданных Монархии и его взгляд на войну как «крайнюю меру»⁵¹. Разногласия между венгерским и австрийским руководством империи позволяли Лондону рассчитывать на затяжку во времени, которая создавала дополнительные возможности для поиска компромисса при посредничестве других великих держав, а также на нехватку решимости у Вены и Будапешта взять на себя ответственность за развязывание войны на Балканах, которая в случае вступления в нее других великих держав грозила вылиться в континентальную. Все же австрийским и венгерским сановникам удалось выработать общую линию, что дало старт дипломатическим и военным приготовлениям Двуетной монархии к нападению на Сербию.

23 июля австро-венгерский посланник в Белграде барон фон Гизль вручил сербскому правительству ультиматум, на который Белграду предписывалось ответить в течение 48 часов. Этот документ был составлен в заведомо неприемлемой форме: признание всех требований Вены фактически вело к ограничению суверенитета Сербии. Как позже вспоминал Чернин, Берхтольд, выработывая формулу ультиматума, даже представить себе не мог, что спровоцирует мировую войну. Он с оптимизмом оценивал шансы Двуетной монархии и ожидал либо крупный дипломатический успех в случае капитуляции Сербии перед ультиматумом, либо, если война все-таки разразится, победу австро-германского альянса над франко-русским⁵².

Объяснение жесткости и агрессивности позиции Австро-Венгрии, как нам представляется, отчасти кроется в поведении Великобритании. В Лондоне недвусмысленно провели черту между австро-сербским конфликтом и европейским. Грей, как казалось Бетман-Гольвегу и другим современникам, делал ударение на том, что с чисто международной точки зрения австро-сербское столкновение не имело к Англии никакого отношения⁵³. Более того, 23 июля в разговоре с австро-венгерским послом А. Менсдорфом глава Форин оффис, указывая на катастрофические последствия войны четырех великих держав (России, Франции, Австро-Венгрии и Германии) для европейской цивилизации, ни словом не обмолвился об участии в этом конфликте Великобритании⁵⁴.

Тональность британской прессы также вселяла уверенность в австро-венгерское руководство в том, что Англия останется в стороне от надвигающегося конфликта. Так, в проправительственной «Таймс» позиция Двуетной монархии оценивалась как «выдержанная» и выражалась надежда на то,

⁵¹ *The Times*, 17.07.1914.

⁵² Чернин О. В дни мировой войны. Воспоминания бывшего австрийского министра иностранных дел. М., Пг., 1923. С. 22–23.

⁵³ *Bethmann Hollweg Th. Reflections on the World War*. London, 1920. P. 108.

⁵⁴ *BD*. Vol. XI. № 86. Grey to de Bunsen. 23.07.1914.

что она «будет и дальше действовать в том же духе»⁵⁵. На страницах либеральной «Вестминстер Газетт» вообще открыто декларировались проавстрийские симпатии: ее статьи перепечатывались венскими и будапештскими газетами. Редакционная политика «Вестминстер Газетт», как отмечал Н. Шебеко, «не способствовала делу мира»⁵⁶.

Несмотря на демонстрируемую британцами индифферентность касательно дальнейшего развития австро-сербских отношений, текст австро-венгерского ультиматума произвел на Грея тягостное впечатление: он назвал его самым «страшным документом, который когда-либо был адресован независимому государству»⁵⁷. В заявлениях Грея все отчетливее начинала звучать обеспокоенность по поводу возможности перерастания австро-русского конфликта из-за Сербии в европейскую войну. В разговоре с германским послом К. Лихновским британский статс-секретарь подчеркнул, что ультиматум Сербии его не будет волновать лишь в том случае, если он не приведет к столкновению между Россией и Австро-Венгрией. Грей призвал правительства других великих держав оказать умиротворяющее воздействие на Вену и Петербург⁵⁸.

Сводя всю ситуацию к австро-сербскому противостоянию, Лондон стремился избежать ответа на гораздо более серьезный вопрос – о поддержке своих партнеров по Тройственному соглашению и, в конечном счете, о сохранении Антанты. Французы, как во время официального визита Пуанкаре в Россию (с 20 по 23 июля), так и после оглашения текста австрийского ультиматума, заверили русское правительство в своей лояльности, а также подтвердили намерение выполнить союзнические обязательства в случае необходимости⁵⁹. Британцы, напротив, настаивали на своей непричастности к конфликту на Балканах. Сазонов указал британскому послу в России Дж. Бьюкенену на иллюзорность подобного убеждения, поскольку сербский вопрос, по словам главы русского МИДа, являлся частью вопроса европейского⁶⁰. В Форин оффис отдавали себе отчет в том, что Париж и Петербург рассматривали австрийские обвинения против Сербии всего лишь как предлог: истинный смысл происходящего заключался в противостоянии Тройственного союза и Антанты.

В Лондоне лица, ответственные на выработку внешнеполитических решений, настаивали на том, что для Англии как глобальной державы нейтралитет оказался бы губительным. Помощник заместителя статс-секретаря по иностранным делам Э. Кроу очертил два возможных сценария развития событий. В случае победы Центральных держав он предрекал вытеснение французского флота из Ла-Манша и оккупацию его германским флотом. Торжество франко-русского союза при неучастии Англии в войне

⁵⁵ The Times, 16.07.1914.

⁵⁶ Schebeko N. Souvenirs: essai historique sur les origines de la guerre de 1914. Préface de Jules Cambon. Paris, 1936. P. 214.

⁵⁷ Цит. по: *Bridge F.R.* The British Declaration of War on Austria-Hungary in 1914 // *The Slavonic and East European Review*. 1969. Vol. 47. № 109. P.407.

⁵⁸ BD. Vol. XI. № 99. Grey to Rumbold. 24.07.1914.

⁵⁹ Хвостов В.М. История дипломатии. С. 786.

⁶⁰ BD. Vol. XI. №101. Buchanan to Grey. 24.07.1914.

поставило бы на повестку дня вопрос о британском контроле в Средиземноморье и безопасности Индии. Интересы Англии, как подчеркивал Кроу, были тесно связаны с Антантой. Таким образом, центральная проблема, которую была призвана разрешить надвигавшаяся мировая война, заключалась не в судьбе Сербии, а в том, удастся ли Германии установить гегемонию в Европе или нет⁶¹.

Все же в Лондоне не оставляли надежды избежать европейской войны, направив усилия великих держав на урегулирование австро-сербского конфликта. Высокопоставленные чиновники Форин оффис рассчитывали воспользоваться опытом Балканских войн. Ведь тогда благодаря англо-германскому сотрудничеству удалось удержать Россию и Австро-Венгрию от столкновения. 26 июля Уайтхоллом было выдвинуто предложение провести в Лондоне конференцию в составе послов трех держав (Франции, Германии и Италии) и британского статс-секретаря по иностранным делам⁶². Лондон ожидал, что в рамках подобного мероприятия Германия окажет умиротворяющее воздействие на свою союзницу.

На первый взгляд Берлин занял позицию, идентичную Лондону, т.е. подчеркивал свою склонность не вмешиваться в ситуацию на Балканах. По словам германского статс-секретаря по иностранным делам Г. фон Ягова, Грей «совершенно верно» разделял два конфликта: австро-сербский и австро-русский⁶³. Исходя из этого, германское руководство отказывалось участвовать в какой-либо конференции, где от нее требовалось «представить Австрию перед европейским судом из-за ее распри с Сербией», хотя и не исключало возможность посредничества между Петербургом и Веней⁶⁴. Ягов настаивал на том, что «если Австро-Венгрия считает необходимым “разобраться” с Сербией, он не понимает, почему должна вмешиваться третья сторона»⁶⁵. Логика поведения германской дипломатии укрепляла Форин оффис в мысли о том, что Германия ни словом не призвала свою союзницу к сдержанности⁶⁶.

По воспоминаниям Грея, организация конференции послов, подобно той, которая функционировала в Лондоне в 1912–1913 гг., в тех условиях была самым верным способом сохранить мир в Европе – «достойный мир», «без победителей и проигравших». Сербский ответ⁶⁷ на австрийский ультиматум позволял Австро-Венгрии с честью для себя разрешить создавшийся кризис⁶⁸.

⁶¹ Ibid. Minute by Crowe.

⁶² BD. Vol. XI. №139. Nicolson to Grey, 26.07.1914.

⁶³ Documents allemands relatifs à l'origine de la guerre: collection complète des documents officiels / Rassemblés... par Karl Kautsky (далее – DA). Paris, 1922. T. I. № 192. Jagow à Lichnowsky. 25.07.1914.

⁶⁴ DA. №248. Bethmann Hollweg à Lichnowsky. 27.07.1914.

⁶⁵ BD. Vol. XI. №158. Rumbold to Grey. 22.07.1914.

⁶⁶ BD. Vol. XI. № 185. Goschen to Grey. 27.07.1914. Minute by Crowe (28.07).

⁶⁷ Сербьы соглашались, хотя и с оговорками, с девятью пунктами ультиматума. Пункт, касавшийся проведения австро-венгерскими должностными лицами расследования на сербской территории касательно организации покушения на Франца Фердинанда, был отклонен.

⁶⁸ Grey E. Twenty-Five Years, 1892–1916. Vol. I. New York, 1925. P. 304.

Берхтольд отверг предложение Грея о посредничестве четырех держав на базе сербской ноты, заметив при этом М. де Бансену (в конце 1913 г. он сменил Картрайта на посту британского посла в Вене), что, «Сербия не представляет непосредственной угрозы для Великобритании, в отличие от Австро-Венгрии»⁶⁹. Балльплац прилагал максимум усилий, дабы убедить Лондон в том, что, принимая военные меры против Сербии, Дунайская монархия решала вопрос сугубо локального характера. Менсдорф пытался объяснить Грею, что выступление Австро-Венгрии было обусловлено объективными причинами: мобилизация, которую она неоднократно проводила в течение последних нескольких лет, ложилась тяжким бременем на экономику империи, и в этот раз правительство было исполнено решимости пойти до конца. По словам австро-венгерского дипломата, Двуетная монархия не стремилась к территориальным приращениям за счет Сербии, а только к «защите своих интересов»⁷⁰.

В определенной степени и Петербург, и Лондон рассчитывали на повторение сценария Боснийского кризиса только без германского ультиматума, который был бы равнозначен дипломатическому поражению России. В 1908–1909 гг. аннексия Боснии и Герцеговины, а также лишение Сербии и Черногории территориальных компенсаций не привели к подрыву позиций Антанты на Балканах, а также к дисбалансу сил в Европе (Тройственное согласие и Тройственный союз продолжали уравнивать друг друга). В 1914 г. британская и русская дипломатия были готовы пойти на значительные уступки Австро-Венгрии, в том числе за счет Сербии, чтобы склонить Вену к компромиссу и лишить Германию повода оказать своей союзнице военную поддержку.

Сазонов не только живо откликнулся на предложение главы Форин оффис о посредничестве четырех держав, но и предложил Берхтольду прямые переговоры через послов, аккредитованных при правительствах двух империй. Глава русского МИДа выражал готовность заставить Белград максимально удовлетворить претензии Вены при условии сохранения территориальной целостности Сербии и уважения ее прав как суверенного государства. Он призывал австро-венгерское правительство отказаться от своих самых резких требований в обмен на гарантии держав контролировать распространение антиавстрийской пропаганды на территории королевства. Предполагалось, что посланники великих держав в Белграде будут находиться в постоянном неформальном контакте и в случае необходимости оказывать давление на сербское правительство с целью заставить его пресечь деятельность антиавстрийских революционных организаций в Сербии⁷¹. В Вену поступали сообщения от посла в Петербурге графа Ф. Сапари о том, Сазонов в надежде сохранить мир «хватался за соломинку»⁷².

⁶⁹ BD. Vol. XI. De Bunsen to Grey. 28.07.1914; ÖUA. Bd. VIII. № 10892.

⁷⁰ BD. Vol. XI. № 282. Grey to de Bunsen. 29.07.1914.

⁷¹ BD. Vol. XI. № 198. Buchanan to Grey. 27.07.1914.

⁷² ÖUA. Bd. VIII. № 10999.

Лондон, если судить по выдвигаемым им с 26 по 29 июля схемам урегулирования балканского кризиса, с каждым разом все больше и больше демонстрировал свою склонность пойти навстречу требованиям австро-венгерского правительства. Первоначально Грей настаивал на том, что «до разрешения вопроса конференцией сербская территория не могла быть подвергнута вторжению, поскольку тогда все усилия окажутся тщетными и мировая война будет неизбежна»⁷³. Форин оффис, впрочем, как и МИД России, после объявления 28 июля Австро-Венгрией войны Сербии смягчил свою позицию: начало боевых действий между двумя странами не являлось поводом для прекращения австро-русских переговоров. В условиях стремительно меняющейся ситуации Лондон с интересом откликнулся на «план залога», выдвинутый германской стороной. Вильгельм II, оценивший сербский ответ на ультиматум как дипломатический триумф Дунайской монархии, в качестве одного из вариантов урегулирования австро-сербского конфликта называл временную оккупацию австро-венгерскими войсками Белграда и части Сербии с целью гарантировать исполнение сербами условий ультиматума⁷⁴. Соглашаясь с так называемой «остановкой в Белграде», Грей исходил из того, что в ближайшее время войска Дунайской монархии все равно займут сербскую столицу. Единственное условие, на котором настаивал глава Форин оффис, был отказ Австро-Венгрии от дальнейшего продвижения вглубь сербской территории⁷⁵. Россия, как впоследствии отмечал Сазонов, «не возражала и против этого нового предложения, хотя оно и превышало по своей уступчивости все, чего можно было от нее ожидать»⁷⁶.

Несмотря на все попытки склонить правительство Австро-Венгрии к переговорам, чиновники Форин оффис были убеждены в том, что только Германия, поддержка которой являлась принципиальным фактором бескомпромиссной политики Вены на Балканах, могла воздействовать на свою союзницу. Грей, по его словам, был согласен на любую форму посредничества четырех держав, которую предложит Германия: успех медиации зависел от желания Берлина «нажать кнопку» в интересах мира»⁷⁷.

Позиция Великобритании касательно австро-сербского конфликта и ее усилия, направленные на то, чтобы Вена и Петербург урегулировали свои противоречия, трактовались правительствами Германии и Австро-Венгрии как подтверждение нежелания Англии быть вовлеченной в общеевропейский конфликт. Неучастие Великобритании в войне значительно повышало шансы Центральных держав на успех в военном противостоянии с франко-русским союзом. Благоприятная, с точки зрения Берлина, ситуация (вероятный британский нейтралитет, неподготовленность русской

⁷³ DA. T. I. № 236. Lichnowsky à Jagow. 26.07.1914.

⁷⁴ Фей С. Указ соч. Т. II. С. 268–272.

⁷⁵ BD. Vol. XI. № 285. Grey to Goschen. 29.07.1914.

⁷⁶ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 214.

⁷⁷ BD. Vol. XI. № 263. Grey to Goschen. 29.07.1914.

армии, перевооружение которой завершилось бы только к 1917 г., гарантированное участие в войне (Австро-Венгрии) подтолкнула германское руководство к развязыванию европейской войны.

В Германии, однако, допустили серьезную ошибку в истолковании действий Великобритании. В своем стремлении начать европейскую войну из-за балканского вопроса и в расчете на английский нейтралитет Берлин руководствовался двумя, казалось бы, обоснованными соображениями: во-первых, четкой дифференциацией Лондоном конфликта на Балканах и в Европе, во-вторых, отсутствием у Британии формальных обязательств перед партнерами по Антанте, тем более в отношении Юго-Восточной Европы. Однако участие в войне Франции и перспектива ее поражения кардинальным образом меняли всю картину. Еще в сентябре 1912 г. Грей в секретном меморандуме, перечисляя причины, которые могли подтолкнуть Великобританию к вступлению в европейскую войну, называл попытку Германии, опиравшейся на свою «беспрецедентную мощь», сокрушить Францию. Доминирование Германской империи на континенте, по мнению главы Форин оффис, привело бы к изоляции Англии⁷⁸. Решимость германского руководства осуществить «план Шлиффена», предполагавший вторжение в Бельгию и молниеносный разгром Франции, предопределила выступление Британии на стороне Антанты. Грей считал неприемлемыми заверения Бетман-Гольвега о том, что Германия не собиралась присоединять дополнительные французские земли, а также отверг его предложение заключить англо-германское соглашение о нейтралитете⁷⁹. Военное поражение Франции обернулось бы ее потерей статуса великой державы (к тому же Берлин не гарантировал неприкосновенность французских колоний), а значит, германской гегемонией в Европе, а затем и в глобальном масштабе. Решение европейского вопроса позволяло Германии направить свои усилия и ресурсы на достижение преобладания в Азии, что угрожало безопасности британской колониальной империи.

Таким образом, вступление Великобритании в мировую войну было продиктовано ее стремлением сохранить свою позицию мировой державы в рамках существовавшей тогда системы международных отношений. В таких расчетах конфликт на Балканах отходил на второй план.

События 1913–1914 гг. свидетельствовали о том, что Первая мировая война возникла не вследствие внутреннего кризиса на Балканах (безусловно, существовали глубокие национальные и территориальные разногласия между местными государствами, а также борьба великих держав за влияние в этом регионе, что повышало конфликтогенный потенциал международной системы), а взаимодействия долгосрочных (накопление противоречий между великими державами, в первую очередь, Великобританией, мировой державой, и Германией, со своей «Weltpolitik» претендовавшей на

⁷⁸ NA. FO 800/363/128-129. Copy of Memorandum by Grey. 24.09.1912.

⁷⁹ BD. Vol. XI. № 303. Grey to Goschen. 30.07.1914.

этот статус) и краткосрочных (роковые решения, принятые руководством великих держав в период с 28 июня по 4 августа 1914 г.) факторов⁸⁰.

После подписания Бухарестского мира 1913 г. происходило сворачивание британского присутствия в регионе. Доминирование на Балканах коалиции в составе Сербии, Греции и Румынии, для которых общим и жизненно важным интересом являлось подавление ревизионистских устремлений проигравших государств и «ограждение» региона от иностранного контроля, позволило Лондону переложить на местных игроков ответственность по поддержанию стабильности и равновесия на Балканском полуострове. Отход Англии от активной балканской политики обнаружился в ее нежелании «втягиваться» в урегулирование албанской проблемы, что мотивировалось отсутствием у Лондона «какого-либо вообще интереса в этой части мира»⁸¹.

Подобная тактика в полной мере проявилась в период Июльского кризиса, когда Британия декларировала свою незаинтересованность в австро-сербском конфликте. Выбирая такую модель поведения, Лондон, как нам кажется, исходил из того, что дестабилизация в одном из сегментов подсистемы не вела к краху всего комплекса региональной безопасности, т.е. распространению войны на весь Балканский полуостров, в частности выступлению Болгарии на стороне Центральных держав.

Сербия, Румыния и Греция, на взгляд британцев, разделяли общее понимание проблемы региональной безопасности: нападение на одну из них угрожало безопасности других. Сербия и Греция были связаны союзным договором, а вся политика Румынии, как полагали чиновники Форин оффис, была направлена на «сдерживание» Болгарии и поддержание силового равновесия на Балканах, поэтому оба эти государства должны были прийти на помощь Сербии в случае нападения на нее Болгарии. Казалось, верность подобных расчетов подтверждала информация, поступавшая из Бухареста и Афин в последних числах июля. Правительства Румынии и Греции сделали совместное предупреждение Софии о том, что если Болгария атакует Сербию, то они двинут на нее свои войска⁸². Об этом факте были осведомлены и в Берлине. Греческий король Константин I и румынский министр иностранных дел Э. Порумбару при встречах с германскими дипломатическими представителями подчеркивали, что уничтожение Бухарестского мира противоречило интересам их стран⁸³.

В Англии не упускали из виду и тот факт, что Сербия и Румыния были заинтересованы в присоединении ряда территорий Австро-Венгрии (первая – югославянских провинций, вторая –

⁸⁰ Подробнее о влиянии взаимодействия долгосрочных и краткосрочных факторов на происхождение Первой мировой войны см. *Lebow R.N. Franz Ferdinand Found Alive World War I Unnecessary // Unmaking the West: Counterfactual Thought Experiments in History* (<http://ir.emu.edu.tr/staff/ekaymak/courses/IR515/Articles/Lebow%20on%20WW1%20Counterfactuals.pdf> [дата обращения: 9.02.2014]).

⁸¹ NA. FO 800/372/17. Nicolson to Buchanan. 13.01.1914.

⁸² BD. Vol. XI. № 224. Erskine to Grey. 28.07.1914; № 371. Grey to Bax-Ironside. 31.07.1914.

⁸³ DA. T. I. № 243. Le Roi de Grèce à l'Empereur. 27.07.1914; № 262. Waldburg à Jagow. 26.07.1914.

Трансильвании)⁸⁴. Это также позволяло надеяться на координацию действий Белграда и Бухареста против Двуетной монархии. И, наконец, Лондону казалось маловероятным, что Болгария после сокрушительного поражения во Второй балканской войне отважилась бы выступить против сербо-румынско-греческого союза. При таком раскладе, как минимум, была бы возможна локализация австро-сербского конфликта в пределах западной части Балканского полуострова, как максимум, поддержка Сербии Грецией и Румынией в противостоянии с Австро-Венгрией. В июле 1914 г. создавалось впечатление, что балканский фланг Антанты был укреплен, однако начавшаяся мировая война внесла свои коррективы в стратегические построения Великобритании.

Библиография:

1. *Бовыкин В.И., Емец В.А., Тютюкин С.В.* Советская историография первой мировой войны / V Конференция советских и итальянских историков. М., 1972.
2. *Виноградов В.Н.* Еще раз о новых подходах к истории первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1995. № 5.
3. *Виноградов К.Б.* Буржуазная историография первой мировой войны (происхождение войны и международные отношения. 1914–1917 гг.). М., 1962.
4. *Емец В.А.* Советская историография происхождения первой мировой войны // Первая мировая война. М., 1968.
5. *Козенко Б.Д.* Отечественная историография первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3.
6. *Researching World War I: A Handbook.* Westport, CT. Publication year, 2003.
7. Романова Е.В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898-1914. М., 2008.
8. *Соколовская О.В.* Греция в годы первой мировой войны, 1914–1918 гг. М., 1990.
9. *Тэйлор А.Дж.П.* Борьба за господство в Европе. М., 1958.
10. *Фей С.* Происхождение мировой войны. Т. II. М., 1934
11. *Хвостов В.М.* История дипломатии. Т. II. М., 1963.
12. *Чернин О.* В дни мировой войны. Воспоминания бывшего австрийского министра иностранных дел. М., Пг., 1923.
13. *Bridge F.R.* The British Declaration of War on Austria-Hungary in 1914 // The Slavonic and East European Review. 1969. Vol. 47. № 109.
14. *Clark C.* The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. London, 2013.

⁸⁴ *Seton-Watson R.W.* New Phases of the Balkan Question - The Contemporary Review, 1913, №573 (September). p. 329–330.

15. *Crampton R.Y.* The Hollow Détente: Anglo-German Relations in the Balkans 1911–1914. London, 1980.
16. *Dedijer V.* The Road to Sarajevo. London, 1960; *Watt D. C.* The British Reactions to the Assassination at Sarajevo // *European Studies Review*. 1971. Vol.1. № 3.
17. *Fotakis Z.* Greek Naval Strategy and Policy, 1910–1919. London, New York, 2005.
18. *Geiss I.* German Foreign Policy, 1871–1914. London, Boston, 1976. P. 165.
19. *Hale O.J.* Publicity and Diplomacy, with Special Reference to England and Germany. London, New York, 1940. P. 446.
20. *Halpern P.* The Mediterranean Naval Situation 1908–1914. Cambridge, 1971. P. 334.
21. *Harris J.P.* Great Britain // *Origins of World War One* / Ed. by R.F. Hamilton, H.H. Herwig. Cambridge, 2003.
22. *Mulligan W.* The Origins of the First World War. Cambridge, 2010.
23. *Helmreich E.C.* The Diplomacy of the Balkan Wars 1912–1913. Cambridge, 1938.
24. *Kennedy P.* The Rise of the Anglo-German Antagonism. 1860–1914. London, 1980.
25. *Lebow R.N.* Franz Ferdinand Found Alive World War I Unnecessary // *Unmaking the West: Counterfactual Thought Experiments in History* (<http://ir.emu.edu.tr/staff/ekaymak/courses/IR515/Articles/Lebow%20on%20WW1%20Counterfactuals.pdf> [дата обращения: 9.02.2014])
26. *Lieven D.* Dilemmas of Empire 1850-1918. Power, Territory, Identity // *Journal of Contemporary History*. 1999. Vol. 34, N 2.
27. *MacMillan M.* The War that Ended Peace: The Road to 1914. New York, 2013.
28. *Mahajan S.* British Foreign Policy, 1874–1914: The Role of India. London, 2002.
29. *Maurer J.* The Outbreak of the First World War: Strategic Planning, Crisis Decision Making, and Deterrence Failure. Westport, CT, 1995.
30. *McMeekin S.* July 1914: Countdown to War. New York, 2013.
31. *Obradivić I.* Britanska politika i stvaranje Albanije 1912–1914 // *Tokovi istorije*. 2006. № 4.
32. Искендеров П.А. Сербия, Черногория и Албанский вопрос в начале XX века. Спб., 2013.
33. *Remak J.* Sarajevo. New York, 1959;
34. *Seton-Watson R.W.* Sarajevo: A Study in the Origins of the Great War. London, 1926.
35. *Siegel J.* Endgame. Britain, Russia and the Final Struggle for Central Asia. London, New York, 2002.
36. *Steiner Z.S.* Britain and the Origins of the First World War. London, 1977.
37. *Taylor A.J.P.* War by Timetable: How the First World War Began. London, 1969.
38. *Trevelyan G.M.* Grey of Fallodon. Boston, 1937.

39. *Wedel O.H.* Austro-German Diplomatic Relations, 1908–1914. Stanford, 1932.
40. *Wilson K.* The Policy of the Entente: Essays on the Determinants of British Foreign Policy 1904–1914. Cambridge, 1985.

Источники:

1. *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Мн., 2002.
2. *Чернин О.* В дни мировой войны. Воспоминания бывшего австрийского министра иностранных дел. М., Пг., 1923.
3. *Asquith H.* The Genesis of the War. New York, 1923.
4. *Bethmann Hollweg Th.* Reflections on the World War. London, 1920.
5. British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Pt.1. Vol. 20. University Publications of America, 1984.
6. British Documents on the Origins of the War / Ed. by G.P. Gooch and H. Temperley. Vol. X-XI. London, 1926-1936.
7. *Djemal A.* Memories of a Turkish Statesman, 1913–1919. London, 1922.
8. Documents allemands relatifs à l'origine de la guerre: collection complète des documents officiels / Rassemblés... par Karl Kautsky. Paris, 1922.
9. Documents diplomatiques. Affaires balkaniques. T. II. Paris, 1922.
10. *Gregory J.D.* On the Edge of Diplomacy. Rambles and Reflections, 1902–1928. London, 1928.
11. *Grey E.* Twenty-Five Years, 1892–1916. Vol. I. New York, 1925.
12. Hansard's Parliamentary Debates. House of Commons. Ser 5th. Vol. 56. 1912.
13. *Le Temps.*
14. Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Diplomatische Aktenstücke des Österreichisch-Ungarischen Ministeriums des Äusseren / Hg. von L. Bittner, A.F. Pribram, H. Srbik and H. Übersberger. Vienna und Leipzig, 1930..Bd. VIII.
15. *Schebeko N.* Souvenirs: essai historique sur les origines de la guerre de 1914. Préface de Jules Cambon. Paris, 1936.
16. *Seton-Watson R.W.* New Phases of the Balkan Question // The Contemporary Review, 1913, №573 (September).
17. The National Archives, UK.
18. *The Times.*